

ФЕОДАЛЬНОЕ СОСЛОВИЕ КАЙТАГА В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

*Работа представлена кафедрой истории Дагестана
Дагестанского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор А. И. Омаров

Статья посвящена исследованию феодального сословия Кайтага – одного из значительных и влиятельных государственных образований Дагестана в XVIII – начале XIX в. Показана структура феодального сословия, особенности феодальной иерархии, степень влияния на происходящие социально-политические процессы внутри княжества.

Ключевые слова: *уцмий, уцмийство, бек, чанка-бек, Кайтаг, узден, сословие, иерархия, шамхал, шамхальство.*

I. Magomedov

KAITAG FEUDAL ESTATE IN THE 18TH – EARLY 19TH CENTURIES

The article is dedicated to the studies of the Kaitag feudal estate – one of the significant and powerful state formations in Daghestan in the 18th – early 19th centuries. The author shows the structure and peculiarities of the feudal estate and the degree of the influence on the social and political processes in the principality.

Key words: *utsmiy, utsmiystvo, bek, chanka-bek, Kaitag, uzden, estate, hierarchy, shamkhal, shamkhalate.*

Согласно источникам, Кайтагское уцмийство было одним из наиболее значимых по территории и влиянию феодальных владений в Дагестане, которое начиналось в приморской низменности, охватывало предгорный и нагорный Дагестан. На севере оно граничило с Тарковским шамхальством, на юге – с Дербентом и Табасараном, на западе – с Казикумухским ханством и Акуша-Дарго, на востоке омывалось Каспийским морем. В изучаемое время оно представляло собой крупное, по масштабам Дагестана, феодальное владение, в котором проживали различные этнические группы (кайтаги, кумыки, терекемейцы, даргинцы, горские евреи). Целью данной статьи является раскрытие социальной структуры феодального сословия этого государственного образования Дагестана в XVIII – начале XIX в.

Социальная структура Кайтагского уцмийства в XVIII – начале XIX в. характеризовалась наличием восьми групп населения. К категории господствующего класса кайтагского общества относились: 1) уцмий, 2) беки, 3) чанка-беки, 4) чанка, 5) шихи или сеиды. Остальную часть населения составляло крестьянство, подразделявшееся, в свою очередь, на узденей (свободных общинников), раят (крепостных) и кулов (рабов).

В исследуемое время среди феодальных владетелей Дагестана по своей силе, весу, авторитету вслед за шамхалом фигурировал уцмий. И.-Г. Гербер писал: «Уцмий после шамхала всегда знатнейший у здешних народов был и ныне еще в великом почтении» [5, с. 74].

О происхождении уцмий как главы и правителя Кайтага сохранилось следующее предание. Когда Абу-Муслим, один из арабских завоевателей, покорил Дагестан, то назначил в каждую из отдельных частей его своих правителей. В числе поставленных им правителей в Кайтаг был назначен один из потомков Амир-Гамзы, дяди Пророка (Мухаммеда), по имени Амир-Чопан. Впоследствии один из потомков Амир-Чопана – Рустем-хан стал называться уцмием. Этот уцмий написал адаты для решения судебных дел [16, л. 145].

По словам И.-Г. Гербера, собственно в Кайтаге от уцмий зависели «с некоторыми договорами Султанмут-Утямишский, Кубяша, Акуша и несколько таулинцов» [5, с. 83]. Следует отметить, что утверждение И.-Г. Гербера о зависимости Акуша от уцмий не совсем соответствует действительности. Акуша не входила в состав владений уцмий, она являлась столицей сильной федерации союзов сельских общин даргинцев Акуша-Дарго, которая по своей силе и влиянию на происходящие политические процессы Дагестана не уступала крупным феодальным владениям. Власть уцмий больше была ограничена, чем у правителя шамхальства, и на местах он фактически не имел власти. И кроме того, не на все части уцмийства были «от уцмий... наложены подати» [17, с. 133]. Подтверждением тому служат слова уцмий Ахмед-хана, который в 1718 г. писал дворянину Лопухину (которому нужно было проехать через территорию Кайтага), «что у него дорога не закрыта, кто хочет, тот едет, а что взять на свои руки и проводить в опасных местах до Тарков, тово де, я сделать не могу, потому что меня... сживут каракайтаки, которых никто унять не может» [11, с. 12]. Почти семьдесят лет спустя новый уцмий также говорил, «что народ его владения есть вольный. Мало ему повинуется, и он не в состоянии принудить его к удовлетворению обиженных» [1, с. 617].

Кайтагский уцмий, кроме доходов с наследственных имений, получал и другие доходы, принадлежащие тому, кто носил это звание.

Доходы Кайтагского уцмий складывались из доходов с его земельных владений, от раятов и дополнительных источников. Причем уцмий получал натуральные подати как с раятских селений Терекеме, так и с жителей Нижнего Кайтага. С терекемейских раят уцмий получал прежде всего хлебную подать (чихиш). Кайтагский уцмий сдавал в аренду и получал пастбищную ренту не только с кутанов, но и с пахотных земель, находившихся в пользовании крестьян.

Р. М. Магомедов отмечал, «что этот вид земельной собственности для уцмий и его

беков был более выгоден. Пастбища были экономической базой не только для Кайтага, но и для соседних общин, не входивших в уцмийство. С помощью пастбищ уцмий рассчитывал, видимо, приобщить к своим владениям многочисленные соседние сельские общества. Что касается хлеба для нужд уцмийства, то он вдоволь доставлялся раятами Теркеме» [12, с. 213, 214]. Как и на всей территории Дагестана, в Кайтагском уцмийстве продуктовая рента была основной формой феодальной ренты. Селения Кара-Кайтага, которые подчинялись уцмию, платили 6 дархяма (барха) с каждой пары рабочего скота в год, одну арбу сена и одну арбу измельченной соломы (нега) [2, с. 4].

И.-Г. Гербер писал, что в Кайтаге «много хороших и великих деревень» и «доходов от них берет усмей, из которых он своих старшин и знатных людей жалует и одаривает» [5, с. 83]. Это свидетельствует о больших доходах уцмий.

Д. И. Тихонов указывал, что уцмий в конце XVIII в. имел доход 60 000 рублей [17, с. 135]. Кроме перечисленных доходов уцмий получал и другие доходы:

- 1) в пошлине с торговых караванов, проходивших через Кайтаг;
- 2) доход с пяти ятагов и пастбищной горы Андара-чи;
- 3) доход с нефтяных колодцев на Неут-Кутане;
- 4) с отдельных уцмиевых соляных озер;
- 5) с жителей магала Каба-Дарга – пшеницу;
- 6) с жителей магалов Ицари и Шари – баранов, мед, масло и сигачи (грубый холст);
- 7) доход с мельницы в сел. Башлы и с ореховых деревьев около этого селения;
- 8) штрафы за преступления жителей Башлы [6, л. 4].

Звание уцмий в Кайтаге переходило по наследству к старшему в роде, как и в шамхальстве Тарковском. Но каждый раз такой наследственный переход сопровождался особым образом провозглашения уцмий на собрании представителей узденских (т. е. свободных) обществ, которые собирались на джамаат Башли. Здесь на старшего в уцмие-

вом роде и надевали шапку, которая хранилась в тухуме арабского происхождения в магале Ирчамул, после чего наследник считался избранным в звание уцмий. На этом же сходе одновременно с уцмием избирался и тот, кто должен был наследовать его власть по смерти уцмий. Наследник назывался гаттын. В его распоряжении находилась дружина из трехсот воинов [12, с. 222].

П. Зубов писал, что «уцмий Каракайдакский управляет также самовластно», как и шамхал Тарковский [8, с. 138].

В противоположность указанному автору Р. М. Магомедов отмечал ограниченность власти уцмий Кайтага в целом в Уцумидарго. Он писал: «Уцмий не имел права распорядиться общественными землями, самопроизвольно творить суд, нарушать адаты, вести войну и объявлять мир, когда это дело касалось всего Кайтага, без соответствующего на то одобрения джамаатов» [12, с. 247].

По заключению «Записки о сословно-поземельном строе в Кайтаге», «значение и власть уцмий не походила на значение и власть бывших закавказских ханов. Отношения его к трем главным классам было разное: в отношении к подвластным лично раятам он был полновластный господин, но таким же был и каждый бек в отношении к своим подвластным; в отношении к бекам он был скорее старший член в семействе, чем повелитель, к которому обращаются другие члены за советом, но который могут принять или отвергнуть по своему благоусмотрению; в отношении к узденям и отчасти к бекам он был не более как предводитель в военное время всего Кайтага во внешних сношениях» [18, с. 184].

Для закрепления своей власти уцмий использовали широко распространенный на Кавказе обычай аталычества – временного усыновления. Уцмий использовали старые обычаи и ставили все общество в положение аталыка – новорожденный первенец уцмий отвозился в наиболее влиятельные джамааты (общины), где все женщины-матери по очереди кормили его. Это продолжалось до тех пор, пока ребенка не отнимали от груди. Мы этого не встречаем ни у лакцев, ни у аварцев.

Если два первых признака избрания уцмия в Кайтаге сходились с кумыкскими обычаями, то совершенно не удалось найти нам у кумыков чего-либо напоминавшего описанную выше церемонию с новорожденным ребенком. Все это позволяет нам сделать вывод о том, что в Кайтаге в одной его части получили утверждения феодальные отношения, а в другой все еще господствовали дофеодальные отношения со всеми вытекающими из этого порядками и обычаями.

Р. М. Магомедов писал, что здесь речь идет об использовании уцмием обычая аталычества – «уцмий ставил все общество в положение аталыка и тем самым обеспечивал себе и своему наследнику не только покорность, но и полную поддержку со стороны всего общества» [12, с. 223].

Уцмий решал все внешнеполитические вопросы и сам возглавлял ополчение. В источнике говорится, что в «отношении к узденям и отчасти к бекам уцмий был не более как предводитель в военное время и представителям всего Кайтага во внешних отношениях» [6, л. 3]. В записке о сословно-земельном строе в Кайтаге оговорено, что в случае войны по первому же призыву уцмия точно так же, как беки со своими подвластными, уздены обязаны были ополчаться. Но это делалось лишь в том случае, если вопрос о войне был решен на общем народном собрании узденских джамаатов [7, с. 183].

По мнению Р. М. Магомедова, во всем этом мы должны видеть не беспомощность уцмия, не его слабование или поборки в применении своей власти над «народом», а своеобразие политического строя Кайтага, которое выражалось в том, что класс феодалов, политически еще не окрепший, не мог не считаться с такой внушительной силой, как узденские джамааты, объединенные в магалы [12, с. 224].

За феодальными владельцами в Кайтаге в изучаемый период по своему значению, экономическому и социально-правовому положению в социальной иерархии стояли беки (у кумыков – бии).

Среди беков существовали различные группы: собственно беки, чанка-беки и чанки.

Беки – это потомки феодальных владельцев, члены правящих фамилий, их младшая линия, которые, получив от феодальных правителей в наследственное владение и по назру (дару) населенные и ненаселенные земли, также стали крупными землевладельцами, что было характерно для всех феодальных владений Дагестана.

Это потомственные беки. Но, кроме них, были и «пожалованные беки», т. е. беки, которые получили звание беков в награду за военные и другие заслуги. В связи с этим не совсем верно утверждение М. М. Ковалевского о том, что генезис бекского сословия был таким же, «что служилых людей, антрустинов, таков, дружинников. Временное и личное отличие, вызываемое службой, со времени на почве чисто фактических отношений приобретает характер постоянной сословной привилегии» [9, с. 230]. Верно это утверждение только в отношении служилых беков, которых в Дагестане было немного и не во всех феодальных владениях.

Как указывают источники и исследователи, в Дагестане именно в том и заключалась особенность по сравнению с Закавказьем, что «все родственники шамхалов, уцмиев, ханов и других владельцев, при условии чистоты своего происхождения (т. е. при условии, если они не являлись потомками от браков с женщинами низшего происхождения – узденками, раятами и др.) составляли сословие беков, пользовавшихся преимущественными правами на занятие различных административных должностей и в том числе по управлению теми или другими районами данного владения или отдельными селениями и передававших свои личные и, в большинстве случаев, имущественные права потомству, но опять-таки лишь при условии чистоты его происхождения. Таким образом, звание бека являлось наследственным, и пополнение этого сословия извне лицами низшего происхождения практиковалось лишь в виде исключений» [10 с. 282].

Р. М. Магомедов сравнивал положение беков примерно «с тем, какое занимали в России в ранний период, удельные князья» [12, с. 173].

Комиссия, изучавшая сословно-поземельные вопросы в Кайтаге в середине XIX в., следующим образом характеризует бекское сословие: «Беки составляли высший класс населения в Кайтаге; кайтагские беки происходят из рода уцмий. Беки кайтагские владеют населенными землями, которые находятся в их наследственном владении. Поземельная зависимость поселян выражается в обязанности платить бекам определенную подать с различных земных произведений и в исполнении некоторых натуральных повинностей. Имение беков переходят по наследству. Наследникам женского пола выделяется лишь часть движимого имущества» [6, л. 27].

Юридическое оформление сословия беков в Кайтаге получило в XVI в. еще при уцмий Ахмед-хане. Беки владели населенными землями, кутанами и ятагами по наследству и взимали с подвластных им раят и узденей различные подати и повинности. Кроме наследственных земель, называвшихся мюльками, беки имели земли, приобретенные путем покупки у раят и доставшиеся после смерти раят, не оставивших наследников или бежавших.

За хорошую службу уцмий награждал беков подарками, состоявшими из вещей и скота. Земли доставались беку по наследству, и уцмий не имел права их отбирать. Бывали случаи, когда к уцмию переходили на службу беки, но они не получали наследственных земель, а имели во временном пользовании доходы с деревень и несколько дворов раят. В конце XVIII и особенно в начале XIX в. беки, помимо наследования, стали получать имения путем пожалования их российскими военачальниками [12, с. 224]. Среди беков имелись владельцы весьма сильные, обладавшие большим имуществом. Известно, что один из уцмиевых беков по имени Исмаил-бек владел 16 деревнями [15, л. 74]. Однако большинство беков владели не более чем двумя-тремя селами, а то и одним селом и несколькими кутанами. В 1815 г. Бадирхан-бек владел селением Уллу-Теркеме и двумя ятагами.

В сведениях дербентского коменданта полковника Розенфельда, относящихся к 1828 г., говорится: что «во времена уцмиев

беки на народ, находящийся под их управлением, имели большое влияние и делали такие же наказания, как уцмий, и брали с них разного рода штрафы». Однако следует отметить, что понятие «народ» в том виде, в каком оно дано у Розенфельда, ошибочно. Право бека на взимание ренты и прочие виды работ могло распространяться в данном случае не на весь народ, только на раят. К тому же и в отношении раят бек не имел права изгонять раята из селения по своему желанию, но он мог его притеснять до того, что раят должен был сам бежать из селения.

Бек был ограничен не только в отношении раят, но и во многом другом, с чем связано было благополучие бека. Так, кайтагский бек не мог притеснять какое-либо селение, а в случае если бы он попытался встать на этот путь, «остальные селения должны вступить за него и остановить бека» [14, с. 87], а если бы бек стал упорствовать, то изгнать его.

Заслуживает внимания и такой момент, который характеризует взаимоотношения бека и джамаата. В постановлении уцмий Рустем-хана записано: «Никто не должен завещать имение свое в пользу бека или чанки. Кто сделает такое завещание, того вместе с семейством изгонят из селения. А кто будет упрашивать и советовать, чтобы такого завещателя оставить, того дом разрушить» [14, с. 88]. Это очень строгое предписание, какое редко можно встретить у других народов. Оно целиком направлено против бека, против роста земельной собственности и, следовательно, против усиления политической власти бека. Объяснение этого явления заложено прежде всего в силе тухума и джамаата. Уцмий при всем своем желании не мог обойти их, сам он был также очень тесно связан с джамаатом. Рустем-хан зафиксировал в своем постановлении конца XVII в. рамки, в которые ставился растущий феодальный класс при существующем в Кайтаге общественно-экономическом строе. Кроме того, можно предположить, что уцмий этим суровым актом в известной степени сдерживал неимоверно быстрый рост бекских земель и отгораживал себя от усиливающихся беков.

По феодальному обычаю, беки были вассалами хана. Но это подчинение носило весьма условный характер. Как отмечается в «Записке о сословном и поземельном строе в Кайтаге», уцмий в отношении к бекам был скорее старший член в семействе, чем повелитель, к которому обращаются другие члены за советом, но которые могут принять или отвергнуть по своему благоусмотрению» [6, л. 5].

Аналогичные отношения были не только в отношении Кайтагского уцмия, но и всех других феодальных владений Дагестана. Во внутренних делах бека власть хана заключалась в праве увещевать или уговаривать бека «отказаться от излишних требований или изменить свое решение, приказать же этого он не мог» [6, л. 6]. Во внешней политике зависимость беков от уцмия была иной. В «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге» сказано: «Беки обязаны были беспрекословно исполнять приказания уцмия, относящиеся до исполнения воинской повинности; являлись на службу его во время войны на коне или пешие вместе со своими подвластными». На этот счет в постановлении Рустем-хана сказано: «Бек не должен предпринимать поход, предварительно не посоветовавшись с благоразумными. В противном случае брать с него штраф в пользу общества» [14, с. 87]. Под благоразумными подразумевалась общинная администрация, лица, с которыми бек обязан был обсуждать свой план, прежде чем предпринять поход. Лишь после того, как достигалось обоюдное согласие, поход считался разумным, заслуживающим участия всего общества.

Уцмий не давал возможности самовольничать бекам. Они, будучи вассалами уцмия, не могли вести сепаратистскую политику. «Уцмии были беспощадны к бекам, стремившимся отколоться от них и стать самостоятельными, и всеми мерами старались держать их в вассальной зависимости. Власть уцмия в раятском Кайтаге и его влияние на остальной Кайтаг были прочными лишь до тех пор, пока беки повиновались уцмию» [12, с. 248].

Но была и другая причина прочности власти уцмия – это поддержка проводимой

им политики узденскими магалами. Они хотя и были самостоятельными, имели свое внутреннее управление, не платили уцмию подати, ввиду их вхождения в единую политическую структуру – Уцуми-Дарго, находились в определенной экономической зависимости (получали хлеб в Терекеме, пасли свои стада в зимнее время на равнинной части уцмийства, где находились зимние пастбища – кутаны), выставляли для уцмия свои военные силы. Как известно, у уцмия, как и у других дагестанских владетелей, не было постоянного войска. И уцмий в необходимых случаях обращался к горным обществам, которые в полном снаряжении являлись к нему. В этой связи большой интерес представляет сообщение участника Персидского похода В. Зубова – Д. И. Тихонова. В 1796 г. он писал: «Уцмия владения все жители на случай надобности в войске на защищение границ своих дают с каждого двора по одному человеку. Если же угодно будет уцмию их войском сделать пособие другому владельцу, в таком случае просит их согласия и с заплакою им за то денег, а насилем к таковой сторонной войне их не принудит» [17, с. 134]. Имеются сведения, что уцмии при необходимости могли выставить войско, численность которого доходила до 12 500 человек [4, с. 29].

В течение последующего времени происходили изменения: шло разложение джамаата, выдвижение на первое место беков, рост их земельного надела и усиление феодальной зависимости свободных общинников. Однако этот процесс в Кайтаге в XVIII в. не был закончен и продолжился в последующие периоды.

К сословию кайтагских феодалов относились и чанка-беки, рожденные от гуммы, т. е. матери, не равной бике. Различие между чанка-беками и беками равного брака заключалось в большем или меньшем праве на отцовское наследство. Чанка-бекам отводилась меньшая доля в сравнении с беками [13, с. 140, 141]. Во всем остальном они нисколько не отличались от остальных беков. В своих именах чанка-беки пользовались такими же правами к подвластному населению, как и все

остальные беки. Имение их переходило по наследству на тех же основаниях, как и у беков.

Особую группу кайтагских феодалов составляли просто чанки, т. е. дети от неравных браков уцмий и беков. Чанка-беки, как правило, имели мать из рода знатного, но не владельческого, а чанками считались дети от каравашки, раята и узденя. Но не только это разделяло их. В отличие от чанка-беков чанки не владели населенными землями, не имели своих раят, пользовались участком из общественного земельного фонда при селениях, в которых они жили, а жили они преимущественно в узденских селениях [3, с.32].

Наконец, к категории кайтагских феодалов в качестве низшей группы нужно причислить шихов или сеидов. Жили они в разных сельских местностях, пользуясь рядом привилегий и льгот. Ядром, из которого выросла эта группа, были арабские завоеватели. В период, когда распространялась мусульманская религия, они пользовались большим весом среди населения и оказывали заметное влияние на правителей. В последующем, когда светская власть усилилась, их функции были сведены к исполнению религиозных обрядов, но за ними были сохранены некоторые привилегии. По своему положению шихи занимали промежуточное положение между феодалами и свободными узденями [12, с. 227].

Таким образом, из приведенного материала видно, что власть уцмий, как главного

феодала – правителя была неодинакова в различных частях Кайтага. Она действительно была сильной в Нижнем Кайтаге – раятской части, в то время как в Верхнем Кайтаге – узденской части, т. е. союзах сельских общин даргинцев в горной части Уцуми-Дарго, уцмий не имел практически никакой власти. Здесь было свое местное, союзное и общинное управление, и уцмий не вмешивался в их внутренние дела, хотя эти общества являлись частью Кайтагского уцмийства. И в этом плане нельзя не согласиться с В. Г. Гаджиевым, который писал: «Из сказанного явствует, что в одной части владения уцмий выступал как самодержец, в другой – как предводитель, которому вверялась в некотором роде исполнительная власть и в качестве вознаграждения за это предоставлялись некоторые материальные выгоды» [4, с. 30].

Беки, следующие за уцмием в сословной иерархии Кайтага, представляли также значительную силу, способную оказывать заметное влияние на происходящие внутривосполитические события. В своих уделах они были полновластными хозяевами и вершителями судеб людей. На уцмий они смотрели скорее как на старшего члена семьи, чем на своего повелителя. Тем не менее беки были сильно ограничены во многих отношениях, не давая им возможности чрезмерно усиливаться и всячески пресекая их сепаратистские устремления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты собранные кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1873. Т. V. 978 с.
2. Алиев Б. Г. Полевой материал 1979 г. // Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 562. 92 с.
3. Алимova Б. М. Кайтаги. XIX – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Юпитер, 1998. 228 с.
4. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. 391 с.
5. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архив. материалы / под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. 371 с. (далее – ИГЭД).
6. Государственное учреждение «Центральный Государственный Архив Республики Дагестан». Ф. 90. Оп. 2. Д. 24. 159 л. (далее – ГУ «ЦГА РД»).
7. Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге // Феодалные отношения в Дагестане. XIX – начале XX в. Архив. материалы / сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1969. 369 с.

8. *Зубов П.* Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. СПб.: Тип. К. Винтера, 1835. Ч. 1. 268 с.
9. *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1. 324 с.
10. *Линден В.* Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // Кавказский Календарь (КК) на 1917. Тифлис, 1916. 413 с.
11. *Лопухин А. И.* Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД.
12. *Магомедов Р. М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX века. Махачкала, 1957. 408 с.
13. *Османов Г. Г.* О социальном строе Дагестана в конце XVIII – начале XIX в. // Ученые записки Института истории, языка и литературы (УЗ ИИЯЛ). Махачкала, 1960. Т. VII. 167 с.
14. Постановление Кайтахского Уцмия Рустем-хана // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). Тифлис, 1868. Вып. 1. 286 с.
15. РГАДА. Ф. «Сношения России с Персией». 1722. Д. 24.
16. Рукописный фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Д. 155. 453 л.
17. *Тихонов Д. И.* Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД.
18. Феодалные отношения в Дагестане. XIX – начале XX в. Архив. материалы / сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1969. 369 с.

REFERENCES

1. Akty sobrannye kavkazskoy arkhograficheskoy komissiyey (AKAK). Tiflis, 1873. T. V. 978 s.
2. *Aliyev B. G.* Polevoy material 1979 g. // Rukopisny fond Instituta istorii, arkheologii i etnografii Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk (RF IAE DNTs RAN). F. 1. Op. 1. D. 562. 92 s.
3. *Alimova B. M.* Kaytagi. XIX – nachala XX v. Istoriko-etnograficheskoye issledovaniye. Makhachkala: Yupiter, 1998. 228 s.
4. *Gadzhiyev V. G.* Rol' Rossii v istorii Dagestana. M.: Nauka, 1965. 391 s.
5. *Gerber I.-G.* Opisaniye stran i narodov vdol' zapadnogo berega Kaspiyskogo morya. 1728 g. // Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana XVIII–XIX vv.: Arkhiv. materialy / pod red. M. O. Kosvena i Kh.-M. Khashayeva. M.: Izd-vo vost. lit-ry, 1958. 371 s. (daleye – IGED).
6. Gosudarstvennoye uchrezhdeniye «Tsentral'ny Gosudarstvenny Arkhiv Respubliki Dagestan». F. 90. Op. 2. D. 24. 159 l. (daleye – GU «TsGA RD»).
7. Zapiska o soslovno-pozemel'nom stroye v Kaytage // Feodal'nye otnosheniya v Dagestane. XIX – nachale XX v. Arkhiv. materialy / sost., predisl. i primech. Kh.-M. Khashayeva. M.: Nauka, 1969. 369 s.
8. *Zubov P.* Kartina Kavkazskogo kraya, prinaldezhashchego Rossii, i sopredel'nykh onomu zemel'; v istoricheskom, statisticheskom, etnograficheskom, finansovom i trgovom otnosheniyakh. SPb.: Tip. K. Vintera, 1835. Ch. 1. 268 s.
9. *Kovalevsky M. M.* Zakon i oby chay na Kavkaze. M., 1890. T. 1. 324 s.
10. *Linden V.* Kratkiy istoricheskiy ocherk bylogo obshchestvenno-politicheskogo i pozemel'nogo stroya narodnostey, naselyayushchikh musul'manskiye rayony Kavkazskogo kraya // Kavkazskiy Kalendard' (KK) na 1917. Tiflis, 1916. 413 s.
11. *Lopukhin A. I.* Zhurnal puteshestviya cherez Dagestan. 1718 g. // IGED.
12. *Magomedov R. M.* Obshchestvenno-ekonomicheskii i politicheskii stroy Dagestana v XVIII – nachale XIX veka. Makhachkala, 1957. 408 s.
13. *Osmanov G. G.* O sotsial'nom stroye Dagestana v kontse XVIII – nachale XIX v. // Uchenye zapiski Instituta istorii, yazyka i literatury (UZ IYAL). Makhachkala, 1960. T. VII. 167 s.
14. Postanovleniye Kaytakhskogo Utsmiya Rustem-khana // Sbornik svedeniy o kavkazskikh gortsakh (SSKG). Tiflis, 1868. Vyp. 1. 286 s.
15. RGADA. F. «Snosheniya Rossii s Persiyey». 1722. D. 24.
16. Rukopisny fond Instituta IAE DNTs RAN. F. 1. D. 155. 453 l.

ИСТОРИЯ

17. *Tikhonov D. I.* Opisaniye Severnogo Dagestana. 1796 g. // IGED.

18. Feodal'nye otnosheniya v Dagestane. XIX – nachale XX v. Arkhiv. materialy / sost., predisl. i primech. Kh.-M. Khashayeva. M., 1969. 369 s.